

ВИКТОРИЯ СЕРЕДА,

*кандидат социологических наук, доцент
кафедры истории и теории социологии
Львовского национального университета
им. И.Франко*

**Один день из жизни украинского социума
(по результатам применения методики исследования
повседневных событий, предложенной Н.В.Паниной)**

Abstract

Everyday life theories constitute theoretical background of the article. In particular, the author discusses practices of everyday life together with sociology of leisure and time budget approaches. The paper is based on Natalia Panina's pioneering methodology for researching one day in the country's life. The methodology is based on the open-ended question: "What events of the previous day do you remember most of all?" followed by two closed questions about respondents' attitude to that day and conflicts happened at that time.

The article examines a connection between respondents' preferred activities, which they described in their recollections of the previous day, and their social-demographic characteristics. As the analysis reveals, strong differences between age, gender and in some cases between places of residence (regions) can be detected.

В современных социологических исследованиях прослеживается два направления, имеющих целью изменение исследовательской оптики и выработку нового инструментария. Одно из них ориентировано на расширение исследовательского видения и переход от анализа обществ и общественных проблем на уровне национальных государств (пусть даже в международной компаративистской перспективе) к попыткам изучения глобальной общности, что, в свою очередь, требует создания новых исследовательских техник, которые бы делали возможными подобные исследования. Другое направлено на изучение микросреды, которая чаще всего концептуализируется как уровень повседневного взаимодействия, раскрывающегося в повседневных рутинных практиках и феноменах жизненного мира. Дискуссии вокруг этих вопросов начались еще в первой половине XX века.

Однако в последнее десятилетие произошел настоящий взрыв научного интереса к проявлениям повседневного, что было спровоцировано развитием новых междисциплинарных областей. По мнению В.Вахштайна, мы можем говорить о своеобразном ренессансе социологии повседневности [1, с. 5]. В связи с этим образовался широкий спектр терминов для обозначения феноменов повседневного.

Исследовательское движение “навстречу повседневности” сопровождается также постоянным поиском методологий, которые бы позволили расширить интерпретационные рамки социологических исследований, глубже “погрузиться” в повседневную жизнь обычных людей, а это порождает критическую рефлексию относительно возможности изучения повседневности. Один из наиболее известных современных исследователей практик повседневного, Мишель де Серто, так описывает взаимодействие научного дискурса с повседневным: “...вместо того, чтоб своевольно присваивать себе привилегию говорить от имени обычного/повседневного (ибо это неопишимо), или заявлять о пребывании в этом общем месте (что было бы ложным “мистицизмом”), или, что даже хуже, предлагать построение агиографии повседневности ради ее поучительной ценности, задача заключается в воссоздании историчности движения, через которое аналитические процедуры возвращаются к своим пределам, к точке, где они оказываются измененными или даже извращенными ироничной и безумной банальностью [...] Я хотел бы описать эрозию, которая обнажает обычное в корпусе аналитических техник, показать отверстия, которые маркируют ее след на границах, где наука мобилизуется, чтоб указать на смещения, которые ведут к *общему месту*, где “кто-либо” должен наконец умолкнуть, разве что повторять (но по-другому) банальность. Даже если эта задача усложняется океаническим шумом обычного, она заключается не в замещении репрезентации обычного или переводе его в сугубо слова, а в демонстрации того, как оно проникает в наши техники, — подобно тому, как с приливом море заполняет углубления и изломы береговой линии — и как оно может реорганизовать то место, откуда производится дискурс” [2, с. 5]. Такая амбивалентная природа повседневного, усложненность его взаимодействия с научным дискурсом приводит к тому, что когда повседневность становится предметом социологического анализа, она как бы “ускользает” от попыток ее точного определения. Ведь повседневность имеет характер видимой, но банализированной и привычной и, потому, незаметной для исследователя деятельности. В связи с этим повседневность чаще всего определяется через описание того, чем она не является. В своей концептуализации рутинной повседневности Л.Ионин приводит несколько противопоставлений. Повседневное противопоставляется: “а) как будни — досугу и празднику; в этом случае мы называем повседневность буднями; б) как общедоступные формы деятельности — высшим, специализированным формам; в) как жизненная рутина — мгновениям острого психологического напряжения, приключениям; г) как действительность — идеалу, тогда под повседневностью мы понимаем просто действительность” [3, с. 189].

Попытки концептуального осмысления феномена повседневности и повседневных практик появляются в немногочисленных научных исследованиях украинских и российских социологов (В.Вахштайн [1], Л.Козлова [4], Е.Симончук [5]). В украинской социологии этот участок пока остается малоисследованным.

Несколько лет назад Н.Панина начала разработку собственной методики исследования повседневности и ее проявлений в украинском социуме. Однако исследовательница не успела завершить ее апробацию, оставив после себя отдельные наброски и размышления. Благодаря усилиям Е.Головахи этот метод был реконструирован и включен в виде отдельного блока (см. Приложение) в опрос по изучению общественного мнения населения Украины “Омнибус–2007”, проводившийся в мае 2007 года Институтом социологии НАН Украины совместно с Центром социальных и политических исследований “СОЦИС”. В исследовании использовалась многоступенчатая с квотным отбором респондентов в пределах последнего шага выборка, репрезентирующая взрослое население Украины (в возрасте 18 лет и старше) по полу, возрасту и образовательному уровню. Объем выборочной совокупности составляет 1800 респондентов.

Методику, предложенную Н.Паниной, условно можно назвать “Один день из жизни страны в событиях, настроениях и конфликтах в оценках людей”. По замыслу, ее исследовательская модель содержала три структурных единицы. Ключевым должен был служить открытый вопрос с просьбой вспомнить самые важные события вчерашнего дня в порядке их важности. Как подчеркивает Мишель де Серто, “подход к изучению культуры становится возможным, когда рядовой человек *становится* рассказчиком, когда он определяет (общее) место дискурса и (анонимное) пространство его развертывания” [2, с. 5]. Соответственно, применение открытого вопроса помогает исследователям повседневности хотя бы частично отойти от ограничений, которые накладываются исследовательским дискурсом на респондента, служит “переключателем”, обеспечивающим выход рядового человека за рамки роли опрашиваемого и помогает ему *стать* рассказчиком, а исследователю *услышать* его “голос”. Если первый вопрос имел целью реконструировать один день из жизни рядового человека с его событийностью и повседневными практиками, то второй, дополнительный закрытый вопрос “Как бы Вы в целом оценили вчерашний день для себя лично?” с предложенными вариантами ответов был направлен на анализ настроения рассказчиков, их психоэмоционального состояния. Задача третьего блока вопросов заключалась в выяснении уровня конфликтности во всех сферах повседневной деятельности индивида, начиная с его ближайшего окружения и вплоть до контактов на улице или в учреждениях (вопрос звучал так: “Были ли у Вас вчера конфликты? (в семье, с друзьями, с соседями, на работе, в других организациях, на улице, в транспорте?)”). Сочетание в одной методике средств для исследования этих трех измерений повседневного жизненного опыта рядовых граждан открывает перед ученым широкое поле для анализа и интерпретации.

Вместе с тем одним из ограничений, которые продемонстрировал первый этап апробации методики Н.Паниной в ходе опроса общественного мнения в Украине “Омнибус–2007”, является то, что она чувствительна к длительности этапа полевой работы. Если опрос продолжается около недели, то мы получаем портрет не одного дня из жизни страны, а нескольких недель. Здесь следует учитывать, что календарные дни могут иметь разную символическую нагрузку (будни, выходные, праздничные) в представлении респондентов и провоцировать их на разные по смыслу и форме повседневные практики. Отдельные дни могут предполагать “выход” респондентов за рамки их ежедневного опыта, спровоцированный, например, эмоциональными переживаниями и ритуализированными действиями во время религиозных или госу-

дарственных праздников. Соответственно, когда проводился анализ и интерпретация полученных результатов, вышеупомянутое ограничение было частично преодолено за счет включения в анализ переменной, которая бы учитывала особый характер дня, о котором должны были рассказывать респонденты (то есть предшествующего дате, указанной в анкете).

Перейдем к рассмотрению полученных результатов.

Как упоминалось, одна из дихотомий, с помощью которой исследователи описывают повседневность, — это противопоставление будней и досуга или праздника. Среди исследовательских направлений, позволяющих глубже раскрыть упомянутую дихотомию, можно вспомнить исследования бюджета времени, а также изучение досуговых практик, начатое Т.Вебленом. Однако, по моему мнению, досуговые практики также могут быть “оповседневненными” и рутинизированными (например, обязательные ежедневные прогулки на свежем воздухе с ребенком).

Исследования бюджета времени имеют давнюю традицию как в украинской (Т.Нельга [14], В.Пича [7; 8], А.Ручка [9], Л.Скокова [9; 10], П.Цимбалюк [11; 12], Ю.Яковенко [12]), так и в зарубежной (Ж.Дюмазедь [13], С.Паркер [14], В.Патрушев [15]) социологии, и структура досуга и проблема соотношения частного и публичного образцов культурно-досуговых практик часто составляет их основной фокус.

Изучая структуру и бюджет времени индивида (социальной группы), исследователи часто делят его на рабочее и нерабочее (включая культурно-досуговые практики) время и на этом основании строят заключения относительно образцов и моделей повседневного поведения, присущих отдельным общностям или индивидам, о системе ценностей и структуре социальных неравенств. Путем анализа соотношения рабочего и нерабочего времени определяют уровень развития общества, в частности уровень развития его социокультурного и экономического потенциала.

Понятие свободного времени нередко рассматривают в противопоставлении рабочему, то есть как нерабочее время, которое принадлежит самому человеку и которым он, при определенных условиях, может более-менее свободно распоряжаться. Однако некоторые исследователи подчеркивают [напр.: 8, с. 217], что кроме рабочего времени из бюджета свободного времени нужно исключить также время, которое индивид тратит на домашнюю работу и другие бытовые нужды или на удовлетворение физиологических потребностей. Основная задача исследователей, изучающих свободное время, заключается в определении его структуры, классификации разных видов деятельности. Выделяют также [см.: 7, с. 221; 11, с. 15] два близких, однако не равнозначных понятия — досуг и более возвышенная деятельность. Впрочем, в большинстве исследований досуг рассматривается в противопоставлении с рабочим временем, а само понятие “досуг” употребляется как синоним свободного времени.

В советской социологии на основе деления свободного времени на досуговую и более возвышенную деятельность ученые разрабатывали разные классификации. В частности, Б.Трегубов [16, с. 47] предлагает дифференцировать всю деятельность в свободное время на три основных типа: 1) культурно-творческий тип, характеризующийся созданием или воспроизводством материальных и духовных ценностей, то есть включающий художественное и научно-техническое творчество, общественную деятельность, различные формы самообразования; 2) культурно-потребительский тип — это в основ-

ном потребление духовных ценностей (чтение книг и прессы, просмотр телепередач, посещение кинотеатров и театров, концертов, музеев, выставок); 3) рекреативный тип (туризм, спорт, отдых в компаниях, посещение танцевальных вечеров, кафе). Автор считает, что в этой типологии культурно-творческий и культурно-потребительский типы характеризуют главным образом более возвышенную деятельность в свободное время, а рекреативный тип выражает досуговую деятельность. Однако, по моему мнению, такое деление является искусственным идеологизированным конструктом, позволяющим скорее “подогнать” анализ досуговой деятельности под определенные дискурсивные рамки, отражающие ценностно-нормативные представления системы о желаемых образцах проведения свободного времени, нежели концептуализировать досуговую повседневность во всех ее разнообразных проявлениях, к тому же представляется весьма проблематичной возможность отделить элементы творчества от процесса потребления в любой повседневной деятельности (включая досуговую).

Другой российский исследователь, В.Патрушев [17], структурирует свободное время по следующим видам деятельности: образование, общественная деятельность, посещение учреждений культуры и отдыха (кинотеатров, стадионов во время спортивных событий и т.п.), общение, спорт и активные формы досуга (тренировки, отдых на природе и т.п.), просмотр и прослушивание СМИ, пассивный отдых, передвижения, что в значительной мере переключается с выше описанной схемой. Заметим также, что обе классификации досуговых практик упускают из поля зрения такие важные сферы, как религиозная и политическая. Одним из объяснений может быть то, что религиозная деятельность не приветствовалась советским режимом, а политическая не была настолько развита, чтобы выделять ее в отдельную категорию, поскольку в стране действовала однопартийная система. Украинские ученые А.Ручка и Л.Скокова [20] предлагают свою классификацию свободного времени. Они выделяют пять видов культурно-досуговых практик, которые распределяются по таким сферам, как частное/домашнее и, в отличие от этого, публичное, и по уровню активности: 1) домашние виды культурно-досуговых практик (просмотр и прослушивание СМИ, чтение художественной литературы); 2) активные виды культурно-досуговых практик (физкультура, прогулки, прикладное творчество); 3) домашние виды общения и отдыха (пребывание в гостях или прием гостей, занятия с детьми); 4) публичные виды культурно-досуговых практик (посещение церкви, кинотеатра и т.п.); 5) публичные виды общения и проведения досуга (отдых на природе, рыбалка, охота и т.п.). Однако мы не смогли воспользоваться предложенной авторами классификацией в нашем исследовании, поскольку их классификация рассчитана на анализ ответов на закрытые вопросы, а мы работали с открытой переменной, для анализа которой использовалась методика восхождения к теории (grounded theory), позволяющая учитывать все многообразие ответов респондентов и на этом основании выработать собственную классификацию.

Исследования, посвященные анализу бюджета времени и повседневных практик, из которых он состоит, различаются по методологии и по методам. Некоторые исследователи работают в рамках таких теорий, как социальная драматургия, феноменология или этнометодология, объединяемых критической установкой в отношении микросоциологии. В своих исследованиях они используют преимущественно глубинные интервью, методы текстуального анализа письменных и/или визуальных документов биографического харак-

тера и т.п. Здесь в фокусе внимания исследователя — интерсубъективная реальность повседневного мира с ее несопоставимостями и разрывами. Для исследователей, представляющих эти направления, важно то, как индивид описывает опыт своей повседневной деятельности, какие практики или виды деятельности артикулируются как символически значимые и важные и что при этом остается “за кадром”, поскольку воспринимается как банальное, привычное и несущественное, и потому сознательно или неосознанно упускается рассказчиками. Другая группа исследователей, напротив, считает, что повседневная деятельность индивида и структура бюджета его времени в большей степени зависит от макро- и мезоструктурных факторов (например, ее законодательной регламентации, наличия соответствующей инфраструктуры, общей направленности в использовании рабочего/свободного времени, присущего той или иной социальной группе, к которой человек принадлежит, и т.п.). Соответственно, для изучения бюджета свободного времени используются такие методы, как анкетирование, анкета-хронокарта, анкета-дневник и самофотография [18, с. 175–183]. Институт социологии НАН Украины накопил значительный опыт по изучению динамики культурно-досуговых практик населения Украины. В ежегодном мониторинговом исследовании и в опросах общественного мнения “Омнибус” использовались закрытые анкетные вопросы с перечнем возможных разновидностей практик свободного времени (в первом случае — 41 вид, во втором — 20); нередко в дополнение приводились другие сопутствующие вопросы [19; 20]. Однако, по моему мнению, особенность предложенной Н.Паниной методики заключается в том, что она позволяет в одном исследовании сочетать черты обоих описанных выше подходов. С одной стороны, постановка открытого вопроса делает возможным анализ повседневной деятельности, артикулируемой самими респондентами, раскрытие особенностей их индивидуальных выборов и интерпретаций событий. Такой подход помогает понять, какие повседневные практики (из сферы будь то рабочего времени или досугового) считаются весомыми и достойными упоминания. С другой стороны, включение такого рода вопроса в общеукраинский опрос общественного мнения создает почву для изучения распространенности и укорененности этих практик, для эмпирического анализа их связи с социально-демографическими характеристиками.

Анализ результатов опроса общественного мнения “Омнибус–2007” (на который я буду ссылаться и далее) показал, что количество отсутствующих ответов весьма существенно: 48,1% респондентов не смогли (или не захотели) вспомнить ни одного события из прожитого ими вчерашнего дня, которое бы им запомнилось. В то же время активность респондентов, ответивших на вопрос, была достаточно высокой: 935 респондентов предложили подробный перечень пережитых событий или впечатлений (1476 названных событий), которые в обобщенном виде отражены в таблице 1.

Полученные данные свидетельствуют, что в описаниях своего вчерашнего дня респонденты предпочитают упоминать о культурно-досуговых практиках, составляющих половину от всех названных событий. Рассказчики стараются вспомнить что-то “более интересное” или “более яркое” из того, что с ними происходило в течение дня, тогда как повседневный труд с его рутинизированными практиками остается вне их внимания. Здесь возникает очевидный вопрос о том, каково соотношение между буднями и выходными/праздничными днями, которые приходились на период опроса, и о возможной связи между ними и ответами респондентов. В целом среди тех

“дней”, которые должны были описывать респонденты, почти две трети приходились на будни (61%), а треть была выходными (39%). Если мы рассмотрим распределение ответов по видам досуговых практик, то заметим, что наиболее популярны среди них встреча/общение с семьей/детьми или друзьями и просмотр СМИ, для которых деление на будни или выходные дни не столь важно и статистически значимо.

Таблица 1

Классификация описанных респондентами видов деятельности (процентное распределение от общего количества названных событий)

Виды деятельности		n	%
1	Досуговые практики		
1.1.	Общение		
	Встреча/общение с семьей/детьми	241	16,3
	Встреча/общение с друзьями	148	10,0
1.2.	Просмотр и прослушивание СМИ		
	Просмотр телевидения или Интернета, чтение прессы, прослушивание радио	73	5,0
	Занятия с компьютером	2	0,1
1.3.	Посещение учреждений культуры и отдыха		
	Посещение театра, концерта	2	0,1
	Посещение кружка	1	0,1
	Посещение бара, ресторана, кафе	11	0,7
	Посещение клубов, дискотек	10	0,7
	Непродовольственные закупки	12	0,8
	Посещение церкви	5	0,3
1.4.	Спорт, активный досуг		
	Поездка/прогулка на природу	71	4,8
	Прогулка, экскурсия, путешествие	14	0,9
	Посещение спортзала, бассейна	7	0,5
1.5.	Празднования, торжественные и религиозные события		
	Торжественные события	59	4,0
	Праздник: государственный/официальный	44	3,0
	Праздник: религиозный	12	0,8
	Печальные события: похороны	5	0,3
1.6.	Пассивный отдых		
	Пассивный отдых	23	1,6
	Всего	740	50,1
2.	Работа		
	Работа	129	8,7
	Домашняя работа	52	3,6
	Работа на даче/огороде	63	4,3
	Ремонт	19	1,3
	Всего	263	17,8

3.	Упоминания о событиях или проблемах неличного характера		
	Политические события	213	14,4
	Социально-экономические вопросы/проблемы	72	4,9
	Аварии/криминальные события	41	2,8
	Погода	26	1,8
	Коммунальные проблемы	22	1,5
	Евро–2012	4	0,3
	Всего	378	25,6
4.	Описание эмоциональных или физических состояний		
	Проблемы со здоровьем	36	2,4
	Описание эмоционального состояния	18	1,2
	Всего	54	3,7
5.	Другое		
	Другие события/проблемы личного характера	24	1,6
	Все как всегда	17	1,2
	Всего	41	2,8
<i>Общий итог</i>		1476	100

Выявленная нами структура занятий, которым люди отдают предпочтение в свободное от работы время, в значительной мере совпадает с описанными результатами ежегодных мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины [19, с. 92].

Привлекает внимание тот факт, что в своих ответах о событиях вчерашнего дня респонденты фактически не выходят за рамки описаний разных видов повседневной деятельности. Практически отсутствуют ответы, свидетельствующие о размышлениях о смысле жизни, или упоминания о каких-либо морально-этических проблемах. Из более чем 900 зафиксированных ответов только в одном респондентка отметила, что “мечтала о прекрасном для нашей планеты Земля”, а другой запомнилась собственная самоирония. Несколько человек выразили обеспокоенность ситуацией в обществе: “непорядок в жизни”, “глубокое разочарование”, “полная растерянность”, “растерянность окружающих”, “переживания о хлебе насущном”. Однако суммарно эти ответы составляют менее одного процента от всех зафиксированных описаний.

Помимо общей характеристики описанной респондентами структуры их повседневной деятельности и культурно-досуговых практик, сосредоточим внимание также на социологическом анализе связи предпочтений респондентов с их социально-демографическими характеристиками. На основании данных социологического опроса “Общественное мнение в Украине–2007” рассматривались дифференциации в описаниях событий вчерашнего дня (в частности, по видам деятельности и досуговых практиках) разных социальных групп и их предпочтения. Такой анализ позволяет сделать соответствующие выводы о том, влияет ли и в какой мере принадлежность к определенной социальной группе на ежедневный опыт респондентов и его артикуляцию в ответе на поставленный вопрос.

Для установления связи между упомянутыми признаками нами применялся анализ по критерию χ^2 . Попытки объяснить зафиксированные различия в описаниях своего вчерашнего дня уровнем религиозности респондентов, их национальной или конфессиональной принадлежностью, а также родным языком общения оказались неудачными (разность по критерию χ^2 была статистически незначимой). Зато мы установили статистически значимую связь (различия значимы на уровне 0,05) между предпочтениями респондентов и особенностями регионально-поселенческой структуры, а также возрастной и образовательной структурой населения. Незначительно превысил указанный уровень порог значимости различий между гендерными группами (на уровне 0,10), однако мы включили анализ по этому параметру в наше исследование, поскольку в отдельных случаях прослеживаются интересные различия в описаниях своего вчерашнего дня со стороны мужчин и женщин. Ниже мы рассмотрим взаимосвязи между разными видами деятельности, о которых упоминали респонденты, и социально-демографическими признаками, в отношении которых была обнаружена статистически значимая связь.

Сначала сосредоточим внимание на группе культурно-досуговых практик, поскольку их респонденты упоминают чаще всего. Безусловно, разные типы поселения с их неравномерно развитыми инфраструктурными сетями (или их полным отсутствием) могут накладывать структурные ограничения на повседневный опыт респондентов и их участие в досуговых практиках. Однако не следует считать, что городские досуговые практики более развиты, чем сельские. Как показывают некоторые исследования (см.: [21; 22; 23 и др.]), украинское село имеет развитую систему форм организации досуга, которые, однако, отличаются от городских. Анализируя результаты опроса, отмечу, что такие формы досуга, как общение и просмотр и прослушивание СМИ, наиболее популярны среди жителей крупных городов (с населением более 250 тыс. человек) и сел, а вот жители небольших городков предпочитают формы активного отдыха (прогулки, выезд на природу и т.п.) и посещение учреждений культуры и отдыха (преимущественно баров, дискотек и заведений с неподходящими товарами).

Рассмотрим влияние регионального фактора на описанные респондентами досуговые практики на основе четырех макрорегионов (Центр, Запад, Восток и Юг). Целесообразность именно такого регионального деления обоснована А.Стегнием в его исследовании, посвященном типам политической культуры региональных общностей Украины [24]. В целом жители всех регионов Украины демонстрируют весьма схожие паттерны своих культурно-досуговых предпочтений. Исключение составляет только такая форма, как общение, которое преобладает на Востоке Украины — 30,8% от названных видов деятельности (против 22,4% на Западе, 26,2% в Центре и 26,0% на Юге). Жители Западной Украины, по сравнению с другими регионами, наоборот, чаще упоминали о просмотре СМИ, что, в свою очередь, может влиять на уровень их политизированности (о чем речь пойдет ниже).

Социально-демографические характеристики респондентов, которые описывали свой досуг, свидетельствуют, однако, что молодежь количественно преобладает в общении (как правило, с друзьями), посещениях учреждений культуры и активных видах отдыха, средняя возрастная группа — в просмотре и прослушивании СМИ, а старшая — в празднованиях. Люди со

средним техническим и высшим образованием предпочитают такие формы, как общение, просмотр и прослушивание СМИ и активный отдых. Другие виды досуга распределяются равномерно по всем образовательным группам.

Отдельно хотелось бы рассмотреть такую форму отдыха, как празднования, являющиеся логическим продолжением в дихотомии повседневное/будничное — досуговое/ праздничное. С одной стороны, праздник — это важный инструмент, который используется элитами для конструирования групповых идентичностей и утверждения определенных систем ценностей. По мнению Е.Главацкой: “На макроуровне праздник можно рассматривать как средство и следствие саморефлексии социума: его ощущение себя относительно места и времени, соотнесение себя с обществами, расположенными в других временных и пространственных точках, представление о своей истории и о своей грядущей миссии, ее соотнесение с историческим развитием других социальных систем. Санкционированная государством система праздников иллюстрирует идеологическую и религиозную направленность, интерпретацию исторических событий, участником которых являлся народ, событий, за которые в данный момент положено испытывать гордость или стыд” [25].

С другой стороны, празднование создает индивиду ощущение принадлежности к определенной социальной группе, и даже макрообщности (например, в случае отмечания международных праздников), с которой его связывают общие ритуализированные практики и эмоциональные переживания. Праздничные системы разных социальных общностей, объединенных по религиозным, этнокультурным, политическим (речь идет о партийной принадлежности), территориальным или другим признакам, будут содержать свои социальные мифосистемы, подпитывающие соответствующие базовые и инструментальные ценности [25]. Вместе с тем праздник — это еще и специфическая коммуникативная ситуация, позволяющая индивиду во взаимодействии с другими членами группы формировать и воспроизводить определенную символически-ценностную систему, которая взаимодействует с доминантными дискурсами или поддерживает их.

В опросе населения Украины “Омнибус-2007” респонденты в своих воспоминаниях о вчерашнем дне тоже обращаются к праздничной тематике. Соответственно, более скрупулезный анализ их ответов дает основания говорить об укорененности некоторых праздничных систем и ценностей, которые они репрезентируют. Но здесь нужно подчеркнуть, что наше исследование не охватывает полностью годового праздничного цикла. Оно имеет жесткие временные рамки — 10–31 мая (месяца, богатого на государственные и религиозные праздники), когда проводился полевой этап опроса.

В последнее время исследователи уделяют больше внимания изучению процессов рутинизации и интимизации праздников [25; 26]. Предложенная Н.Паниной методика дает возможность частично проследить особенности развития этих процессов в микроуровневой среде. В целом почти 8% респондентов упоминают о празднованиях в своих рефлексиях относительно вчерашнего дня. Эти праздничные практики можно объединить в 3 группы: 1) упоминания о государственных/официальных праздниках; 2) религиозные праздники; 3) индивидуальные или семейные торжества (например, дни рождения, свадьбы).

В подтверждение тезиса Е.Главацкой об интимизации празднований следует отметить, что наибольшая доля упоминаний о праздниках (51%) при-

ходится именно на индивидуальные и семейные торжественные события, 38% — на государственные/официальные праздники и 11% — на религиозные. В таблице 2 приведен перечень и процентное распределение государственных/официальных праздников, которые были отмечены респондентами.

Таблица 2

Перечень государственных/официальных праздников и памятных дат, которые отмечались респондентами

Перечень государственных/официальных праздников и памятных дат		п	%
1	День Победы	28	63,7
2	День Матери	5	11,4
3	1 Мая	3	6,8
4	День Европы	3	6,8
5	День депортации	2	4,5
6	День города Львова	2	4,5
7	День науки	1	2,3
Всего		44	100

Как видим, в перечне присутствуют три прежних советских праздника, адаптированных к современному государственному календарю выдающихся дат (День Победы, 1 Мая и День науки), два новых (День Матери, День Европы) и региональные даты (День города Львова и День депортации крымских татар).

Следующим шагом анализа стало определение связи предпочтений респондентов относительно праздников и памятных дат с другими их социально-демографическими характеристиками. Как выяснилось, о государственных/официальных датах больше всего упоминают мужчины среднего и старшего возраста с высшим образованием, проживающие в основном в Центральной Украине. Индивидуальные и семейные торжества, наоборот, чаще всего описывают религиозные семейные женщины со средним специальным образованием, проживающие в Центральной и Западной Украине. Религиозные праздники чаще остальных упоминали молодые одинокие женщины с неполным средним образованием, живущие в небольших городках Западной Украины. Итак, наблюдается гендерная дифференциация в праздничных практиках, когда мужчины больше склонны отмечать государственные даты, а женщины — семейно-религиозные. К сожалению, респонденты не описывали, как именно проходило торжество, а значит, довольно сложно реконструировать сами эти практики.

На основании полученного материала можно утверждать: поскольку рассказчики упоминают об определенных торжествах как о чем-то значимом, что произошло вчера в их жизни, то это свидетельствует об интернализации (пусть частичной) символически-ценностной системы, представленной этими событиями. Б.Дубин в своем описании противопоставления повседневного праздничному, говорит об особом статусе праздника, который “как бы приостанавливает, разрывает или отменяет непрерывно повторяющийся круговорот будничного существования” [26, с. 52]. В нашем исследо-

вании мы столкнулись с интересным феноменом, когда праздник не просто временно приостанавливает или “разрывает” повседневность (что и служит позже основанием для упоминания о нем как о чем-то важном, случившемся вчера), а как бы “замораживает” ее течение на более долгое время. То есть все, что происходило позже, оказывается не стоящим внимания и упоминания. Такое “замораживающее” воздействие оказывали два праздника — День Победы и 1 Мая. Ведь, отвечая на вопрос “Какие события вчерашнего дня Вам запомнились?”, 3 респондента назвали 1 Мая, когда их опрашивали 14, 20 и 28 мая. Из 28 респондентов, упомянувших о Дне Победы, только 6 были опрошены на следующий день после праздника, а остальные 22 заполняли анкеты между 11 и 27 мая. Можно предположить, что ежегодные ритуальные отмечания отдельных коммеморационных практик (государственно-политических или национальных праздников), которые были интернализированы индивидами и составляют важную часть их идентичности, могут сопровождаться глубокими эмоциональными переживаниями, что и приводит к ощущению более длительной приостановки течения повседневности. Подобный эффект нами был зафиксирован и в ходе анализа упоминаний респондентов о политических событиях (о чем я скажу ниже).

Как видно из таблицы 1, следующая по частоте (после досуговых практик) группа упоминавшихся событий представляет собой очень интересный феномен, исследовать который мне удалось именно благодаря применению методики, предложенной Н.Паниной. Речь идет о группе респондентов (более четверти всех опрошенных), а именно тех, кто в ответ на вопрос о запомнившихся им событиях вчерашнего дня обращается к описанию значимых (на их взгляд) политических или социально-экономических проблем, аварий, резонансных криминальных событий и т.п. В своих ответах они фиксируют портрет одного дня из жизни общества, тогда как их собственный опыт или повседневные практики остаются “за кадром” как неважные. Респонденты в основном говорят о таких событиях, как “выборы”, “дискуссии политиков”, “международные события”, “объединение украинской правицы”, “начало подготовки новой пенсионной системы”, “бюрократизм” и т.п. Однако привлекает внимание и тот факт, что для части респондентов переживания (независимо от того, какой характер они носили — положительный или отрицательный) определенного “яркого” события создают ощущение останова времени, когда все остальное уже неважно — оно не помнится и не упоминается. Соответственно, на вопрос о впечатлениях от вчерашнего дня они вспоминают поразившее их событие (преимущественно “оранжевую революцию”). То есть в данном случае имеем дело со схожим феноменом “остановки” или “разрыва” повседневности, но продолжительностью в несколько лет. Однако анализ социально-демографических характеристик этих респондентов показывает, что нет оснований говорить о них как о специфической группе в целом, поскольку среди них встречаются мужчины и женщины, представители всех возрастных когорт и образовательных уровней, жители разных регионов.

Полученные данные в целом фиксируют повышенный интерес граждан Украины к политической и социально-экономической проблематике, ее укорененности в их повседневном опыте. О динамичном волнообразном росте уровня политизированности украинского социума в результате событий 2004 года и дальнейших выборов свидетельствуют и другие исследова-

ния Института социологии НАНУ [27; 28]. Оценивая данные, следует отметить, что опрос “Общественное мнение в Украине” (“Омнибус–2007”) проходил во время очередного политического кризиса, который привел к роспуску парламента и объявлению внеочередных выборов в Верховную Раду Украины, на который не могли не отреагировать респонденты, рассказывая о своих впечатлениях от вчерашнего дня.

Однако в группе респондентов, которые в своих ответах фокусируются на портрете одного дня из жизни общества, можно обнаружить четкую тематическую дифференциацию. О политических событиях упоминали преимущественно мужчины среднего и старшего возраста с высшим образованием, которые живут в небольших городах Западной Украины (где этот показатель вдвое, а иногда и втрое превышал показатели других регионов). В то же время о социально-экономических вопросах и проблемах, авариях и криминальных событиях упоминали в большей мере малообразованные женщины среднего и старшего возраста, которые проживают на Юге Украины, а о погоде — жители сельских районов Центральной Украины (что можно связать с их занятостью на сельскохозяйственных работах).

Следующий, важный сегмент личного повседневного опыта — работа, которую исследователи бюджета времени, в свою очередь, делят на профессиональный опыт и домашнюю работу. Использование открытого вопроса позволяет самому респонденту определять, о чем говорить. Логично предположить, что ответы на этот вопрос отражают иерархию основных ценностей повседневной деятельности, существующую в украинском социуме. Анализируя их ответы, мы видим, что для украинских граждан самая важная деятельность, о которой они вспоминают, заключается в общении с семьей или друзьями. Соответственно, это может свидетельствовать о преобладании семейных и досуговых ценностей над политическими (в частности, над интересом к политике), а также тех и других вместе взятых — над отношением к труду. Как можно заметить, в воспоминаниях респондентов о своем прошедшем дне ссылки на работу занимают только третье место — 17,8% (от числа всех воспоминаний). Из них 49% — это описания профессионального опыта (“напряженная работа”, “ревизия на работе”, “на работе все удалось сделать вовремя и качественно”), а 20% — домашней работы (“хлопотала по хозяйству”, “убирал целый день”). В исследовании было выделено еще две категории, которые при разных обстоятельствах могут касаться как работы, так и домашних забот, это — воспоминания о ремонте и работе на даче/огороде. Феномен такого отношения к работе, когда ценностное восприятие труда не уступает по его ценности семейно-развлекательным практикам, не является уникальным украинским явлением. К аналогичным выводам пришла и группа возглавляемых В.Патрушевым и Г.Бессокирной российских социологов, изучавших динамику основных ценностей повседневной деятельности среди московских рабочих [15]. Возникает вопрос: кто же эти респонденты, которые, описывая свою повседневную деятельность, в качестве самого важного выделяют именно работу? Социально-демографические характеристики этой группы указывают на существование весьма четкой гендерной дифференциации. О работе и ремонте чаще всего рассказывали молодые мужчины с высшим образованием, которые проживают в крупных городах. Тогда как свою домашнюю работу и работу на даче/огороде чаще описывают старшие женщины с низким уровнем образо-

вания, проживающие в сельской местности Центральной Украины. Объяснение зафиксированных различий может заключаться в структурных неравномерностях рынка труда в разных регионах Украины и в устойчивости гендерных стереотипов в отношении распределения сфер деятельности мужчин и женщин.

В последнюю группу событий были включены описания, в которых респонденты рассказывали о своем физическом состоянии — как правило, в форме жалоб на проблемы со здоровьем, собственным или близким людям (“долго болел зуб”, “болезнь сестры”, “дорога домой с больными ногами пешком”), а также описания эмоциональных состояний (“разочарование”, “все плохо”, “хороший день”, “мечтала о будущем”). В целом среди респондентов, обращавшихся к этой тематике в своих воспоминаниях, преобладали старшие малообразованные женщины, жители сельской местности всех регионов Украины. Эмоциональное отношение респондентов к пережитому дню очень хорошо иллюстрирует второй вопрос, который был включен Н.Паниной в предложенную методику изучения одного дня в жизни страны в событиях, настроениях, чувствах. Респондентам предлагалось ответить на закрытый вопрос: “Как бы Вы в целом оценили вчерашний день для себя лично?”

Как видим, большинство (73,7%) жителей Украины описали вчерашний день как обычный, 17,1% назвали его лучшим, а 9,1% — худшим. Поиск возможного пояснения зафиксированных различий в субъективных оценках прошедшего дня указывает, что на отношение респондентов влияют такие факторы, как поселенческая структура, возраст и семейное положение (младшие и неженатые склонны оценивать прошедший день лучше, а старшие и одинокие — хуже). Интересно, что официальная принадлежность этого дня к “выходным/праздничным” или к “рабочим” дням не влияла на оценки опрошенных. В поисках объяснения различий во взглядах респондентов насчет оценки характера вчерашнего дня мы сравнили ответы на этот вопрос с предыдущими, где респонденты сами описывают тот вчерашний день. Как показывает анализ результатов, лучшим, чем обычно, его склонны считать те респонденты, которые описывали свой досуг (в частности, общение с родными и друзьями, поездки на природу, прогулки и празднования). Зато таким же, как всегда, его считали те, кому запомнился их трудовой опыт, а худшим, чем всегда, он был для тех, кого волновали политические и социально-экономические проблемы или собственное психофизическое состояние.

Следующий блок вопросов, измеряющий наличие конфликтов в разных сферах и на различных уровнях взаимодействия индивида с социумом, дополняет психоэмоциональную картину прожитого дня еще и измерением его конфликтности. Таблица 3 иллюстрирует частоту утвердительных ответов на вопрос “Были ли у Вас вчера конфликты?” (респонденты могли выбирать столько ответов, сколько считали нужным).

В целом в ближайшей повседневной социальной среде индивида фиксируется относительно невысокий уровень конфликтности. Более 80% опрошенных утверждают, что не имели никаких конфликтов. Наиболее конфликтными оказались семейная (8%) и профессиональная (4%) сферы, то есть те, на которые индивид тратит большую часть бюджета своего времени и которые составляют основу его повседневного опыта, его ближайшее окружение. Наименее конфликтной была сфера взаимодействия с другими

организациями (0,8%), с которыми нам в повседневной жизни приходится сталкиваться значительно реже.

Таблица 3

**Распределение утвердительных ответов
в отношении проявления конфликтов**

Были ли у Вас вчера конфликты?	%
В семье, с любимым человеком	7,9
С друзьями, знакомыми	2,1
По месту работы (учебы)	4,0
В других организациях	0,8
На улице, в транспорте	2,4
С соседями	2,4
Конфликтов не было	80,6

В исследовании прослеживается интересная тенденция — почти половина респондентов (46%), отметивших, что вчера имели какие-либо конфликты, не ответили на вопрос о событиях вчерашнего дня. Очевидно, им не хотелось вспоминать о конфликтных ситуациях. Наш анализ также зафиксировал отсутствие статистически значимой связи между описаниями вчерашнего дня и ответами о наличии или отсутствии конфликтов в течение данного дня ($\chi^2 = 0,758$). Если проанализировать ответы респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о наличии конфликтной ситуации, а также ответивших на открытый вопрос о наиболее запомнившемся событии вчерашнего дня (189 человек), оказывается, что только 13 из них (или 7%) упоминают о конфликтах, тогда как остальные описывают другие повседневные практики.

Анализ связей между упоминаниями о конфликте и социально-демографическими характеристиками респондентов показал, что статистически значимая связь отсутствует практически по всем признакам (пол, образовательный уровень, семейное положение, национальность, родной язык, религиозные убеждения и конфессиональная принадлежность респондентов, а также регион и тип населенного пункта, где они проживают), исключение составляет деление на возрастные группы (самый высокий уровень конфликтов наблюдаем среди молодежи, самый низкий — у представителей старшей возрастной группы).

Возникает вопрос: влияет ли и как упомянутая конфликтность на эмоциональную оценку индивидом пережитого дня? В таблице 4 приведено процентное распределение утвердительных ответов на вопрос о конфликте в определенной сфере по отношению ко вчерашнему дню.

К сожалению, тут нельзя говорить о статистически значимых связях, поскольку количество анализируемых случаев колеблется между 143 и 14. Тем не менее, как видим, определенная тенденция все же прослеживается. В целом респонденты, отметившие, что имели конфликт в определенной сфере, в большей степени склонны считать этот день хуже обычного.

Таблица 4

Эмоциональная оценка вчерашнего дня в зависимости от наличия конфликтов (по сферам проявлений конфликта), %

Сферы проявлений конфликтов	Лучше, чем обычно	Такой же, как обычно	Хуже, чем обычно
В семье, с любимым человеком	20,3	60,8	18,9
С друзьями, знакомыми	29,7	56,8	13,5
По месту работы (учебы)	8,3	77,8	13,9
В других организациях	14,3	50,0	35,7
На улице, в транспорте	18,2	50,0	31,8
С соседями	13,6	63,6	22,7
Конфликтов не было	17,3	75,8	6,9
В целом по выборке	17,1	73,7	9,1

Как показал анализ результатов исследования, методика Н.Паниной позволяет сделать исследовательский срез одного дня в жизни украинского социума и открывает широкие возможности для описания повседневных стратегий и “жизненных миров” рядовых жителей Украины, изучения бюджета времени (в частности, делает возможной фиксацию соотношения трудовых и досуговых практик) и проверки особенностей проявления на микроуровне многих макроуровневых феноменов. Предложенная методика также позволяет дополнить основную картину вчерашнего дня его эмоционально-психологическим портретом и анализом уровня конфликтности. Однако для более обоснованных выводов в отношении данной методики необходимо накопление опыта использования описанного инструментария, в том числе в международной компаративистской перспективе. Совершенствование методики может заключаться, в частности, в уточнении формулировки открытого вопроса “Какие события вчерашнего дня Вам запомнились?”. По моему мнению, здесь следует добавить подсказку для респондентов о том, что под событиями, о которых их спрашивают, понимаются не только явления или факты общественной или личной жизни, но и события внутреннего духовного мира (например, размышления над морально-этическими проблемами, идеалами, смыслом бытия и т.п.). Благодаря такой подсказке мы сможем значительно расширить репертуар ответов респондентов.

Дискуссии вокруг методологии исследования повседневности продолжают давно. Часть исследователей акцентируют использование сугубо качественной методики, другие — количественной. Некоторые ученые вообще сомневаются в возможности изучения повседневности. Как показал обзор соответствующих теоретических и эмпирических работ украинских и российских ученых, в большинстве из них используются именно количественные методы и закрытые вопросы. Негативным последствием подобного подхода является ограниченность выбора ответов теми вариантами, которые нередко отражают ценностно-нормативные представления исследователей о желаемых образцах поведения, что не позволяет концептуализировать повседневность во всем ее многообразии. Предложенная Н.Паниной

методика, напротив, дает возможность глубже “погрузиться” в будничную жизнь простых людей, понять символически значимые (для них) аспекты повседневности, обнаружить различные типы повседневной и досуговой деятельности, выработать собственную, более гибкую классификацию.

Выполненный нами анализ показал, что в описаниях своего вчерашнего дня респонденты отдают предпочтение упоминаниям именно о культурно-досуговых практиках. Применение методики Н.Паниной позволило нам зафиксировать два интересных феномена. Первый — это наличие группы респондентов, которые в своих ответах фиксируют портрет не собственного прожитого дня (когда их опыт или повседневные практики остаются “за кадром”), а одного дня из жизни общества. Полученные результаты обнаруживают повышенный интерес украинских граждан к политической и социально-экономической проблематике, ее укорененность в их повседневном опыте, что, по данным исследования, в свою очередь, негативно отражается на настроениях рассказчиков, на их психологически-эмоциональном состоянии. Второй феномен — это “разрыв” повседневности, спровоцированный праздничными или политическими событиями, который может продолжаться от нескольких недель до нескольких лет.

Анализ связи социально-демографических признаков респондентов с их описаниями наиболее значимых событий их вчерашнего продемонстрировал, что наибольшее влияние на формирование различий оказывают регионально-поселенческая структура, а также возраст, пол и образовательный уровень респондентов.

**Блок вопросов, разработанных по методике Н.Паниной,
реконструированной Е.Головахой**

1. Какие события вчерашнего дня Вам запомнились? Запишите их, пожалуйста, в порядке важности для Вас лично

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

2. Как бы Вы в целом оценили вчерашний день для себя лично?

- 1 — Лучше, чем обычно
- 2 — Такой же, как обычно
- 3 — Хуже, чем обычно

3. Были ли у Вас вчера конфликты? (Отметьте все подходящие ответы)

- 1 — В семье, с любимым человеком
- 2 — С друзьями
- 3 — По месту работы (учебы)
- 4 — В других организациях
- 5 — На улице, в транспорте
- 6 — С соседями
- 7 — Другое (*напишите*) _____
- 8 — Конфликтов не было

Литература

1. *Вахштайн В.* Событийное строение повседневного мира. Исследование быденного жеста // Социологический журнал. — 2007. — №3. — С.5–39; *Артох О. Р.* Структура дозволя молоді // Молодь України: стан, проблеми, шляхи розв'язання : Збірник наукових публікацій УІСД за підсумками виконання наукових програм і проектів у 1997 р. — Харків, 1998. — Вип. 7. — С. 180–184.

2. *Certau M. de* The Practice of Everyday Life. — Berkley; Los Angeles; London, 1988.

3. *Ионин Л.Г.* Парадоксальный сон. Статьи и эссе. — М., 2005.

4. *Козлова Н.Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. — 1992. — № 3. — С. 47–56.

5. *Симончук О.* Повсякденне життя // Соціологія : Навч. посібник / За ред. С.О.Макеєва. — К., 2005. — С.290–343.

6. *Нельга Т.О.* Культура вільного часу як соціологічна проблема // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Харків, 2001. — С. 484–485.

7. *Піча В.М., Садова Р.М.* Соціологія вільного часу // Соціологія культури : Навч. посібник / За ред. О.М.Семашка, В.М.Пічі. — К.; Львів, 2000; 2002. — С.135–172.

8. *Піча В.М.* Соціологія вільного часу : Матеріали до курсу “Соціологія”. — Львів, 1994.
9. *Ручка А., Скокова Л.* Культурні зміни в Україні на зламі ХХ та ХХІ століть (на правах рукопису).
10. *Скокова Л.* Соціокультурне середовище і диференціація культурно-дозвіллевих практик населення // Українське суспільство—2003 : Соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2003. — С. 512–523.
11. *Цимбалюк Н.М.* Соціологія дозвілля : Навч. посібник. — К., 2001.
12. *Цимбалюк Н., Яковенко Ю.* Еволюція дозвілля в контексті соціологічних категорій // Психологія і суспільство. — 2004. — № 2. — С. 118–124.
13. *Dumazedier J.* *Sociology of Leisure.* — Amsterdam; New York, 1974.
14. *Parker S.* *Sociology of Leisure.* — New York, 1976.
15. *Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П.* Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы // Социологические исследования. — 2003. — № 5. — С. 72–84.
16. *Трегубов Б.А.* Свободное время молодежи: сущность, типология, управление. — СПб., 1991.
17. *Патрушев В.Д.* Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965–1986) // Социологические исследования. — 1991. — № 3. — С. 24–32.
18. *Колесников Ю.* Прикладная социология. — Ростов-на-Дону, 2001.
19. *Паніна Н.* Українське суспільство 1992–2006 : Соціологічний моніторинг. — К., 2006.
20. Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / За ред. *В.Ворони, М.Шульги.* — К., 2007.
21. *Боцонь Л.А., Минько Л.И.* Общественный быт сельского населения // Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / Под ред. Бондарчика В.К. — Минск: Наука и техника, 1987. — С. 25–40.
22. *Ганюков О., Бондар Т.* Дозвілля: культурні запити і потреби української молоді // Молодь України у дзеркалі соціології / Заг. ред. О. Балакіревої та О. Яременка. — Київ: УІСД, 2001. — С. 134–148.
23. *Кутельмах К.М.* Громада і громадський побут // Бойківщина : Іст.-етн. дослідження / За ред. Ю.Г.Гошка — К., 1983. — С. 193–207.
24. *Стегній О.* Типи політичної культури регіональних спільнот України // Вісник Львівського університету. Сер.: Соціологія. — Львів, 2008. — Вип. 2.
25. *Главацкая Е.* Праздник как выражение коллективных и индивидуальных идентификаций // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Харків, 2001. — С.350–354.
26. *Дубин Б.В.* Будни и праздники // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2003. — № 2 (68). — С. 52–62.
27. *Головаха Є., Паніна Н.* Політична культура українського суспільства (за даними соціологічного моніторингу та міжнародного порівняльного дослідження) // Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2007. — С. 12–23.
28. *Головаха Є., Горбачик А., Паніна Н.* Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного дослідження. — К., 2006.